

Без лица

Автор:

Олег Панкевич

Без лица

Олег Панкевич

Книга рассказывает о том, как началась новая жизнь, первых людей того будущего, что стерто туманными границами настоящего, произошедшим из темного прошлого. Но главное, что было у этих новых людей – у них были лица. Лица, на которых отображались те светлые чувства, что позволили выжить там, где царил один лишь мрак.

Олег Панкевич

Без лица

Есть мир волшебный, чувственный, живой.

В котором чистая душа

Без сожаления,

Отринув всякие сомнения,

Стремится к чуду пробуждения

В работе духа позабыв покой.

И есть оковы общества, системы,

И насмехаться учены умело,

Над тем -

Кто голову чуть выше приподняв,

Земного притяжения скинув власть,

Летать учился - не боясь упасть.

Всего каких -то сто лет назад Землю населяли только люди. Сейчас в это просто невозможно поверить, все случилось слишком быстро.

Войны, эпидемии, изменение климата. Ощущение, что в очень короткий промежуток времени, все напасти, что можно только придумать, все самые страшные предсказания будущего, какие только можно было представить, концентрированно вывалились на голову землян. Но кто был виновен в происходящем? Разве не сами люди развязали эти войны? Разве не сами люди загрязняли атмосферу и плоть Земли мусором и выбросами? Разве не само человечество в своем вечном стремлении к прогрессу переступило черту и утопило себя в своих новых технологиях, создав человека генетически усовершенствованного, как новый биологический вид?

Первым, совсем незаметным, шагом к модификации человека стал совершенно казалось-бы безобидный скрининг беременных. Сначала он был проведен как эксперимент по выявлению плода с патологией. Потом уже стал обязательным условием ведения беременности. Цифры. Кто обрабатывал данные о количестве прерванных беременностей по результатам скрининга? Кто отслеживал рост генетических мутаций, выявленных этим простым анализом? А рост был ошеломляющий. В короткое время, новые поколения детей, вырастая на «нечистом» питании, имели все меньше и меньше шансов получить впоследствии здоровое потомство. Но вместо скорого, незамедлительного решения проблемы, правительства всех развитых стран, по умолчанию решили вопрос просто «зачисткой» всех больных нерожденных детей посредством

укола. Таким образом население могло оставаться в неведении относительно пагубного влияния прогресса на человеческий организм и правительства успевали подготовить новые шаги скорой медицинской революции.

Меры были предприняты не только на медицинском поприще. Менялся весь социальный уклад жизни простых людей. С развитием технологий, средств коммуникаций, связи, искусственного интеллекта, человечество обрекало себя на новые формы существования, на формирование нового общества. Претерпели изменения все сферы жизни простых людей. Исчезновение денег, как формы расчета, породило новую финансовую систему, основанную на баллах. Еще на заре развития новой евгеники, новый цифровой порядок буквально ворвался в жизнь людей, внезапно, одним днем, путем подписания нескольких одинаковых законов в каждом государстве мира. Весь мир вздрогнул, осознав, что вступил в эру цифрового рабства и контроля. Но модификации людей к тому времени уже начались повсеместно и сбившись в одно большое стадо, человечество отдало себя на заклятие нового мирового порядка, основанного на сочетании биоинженерии, генной инженерии, цифрового управления и контроля. Медицина стала неотъемлемой парой евгеники и создание нового человека, неподверженного новым вирусам, живущего без явных патологий, способного контролировать продолжительность своей жизни и рождаемость – стало приоритетным направлением науки.

Со временем, родители перед рождением ребенка могли выбрать внешность, пол будущего малыша, а также такой набор необходимых качеств характера, таких как покладистость, отсутствие агрессии, лояльность. Все это входило в стандартный набор здоровья.

Было объявлено, что помимо устранения генетических мутаций, устранение «нежелательных» черт характера, достигающееся за счет блокировки некоторых, небольших участков мозга, необходимо во имя общего здоровья нации, во имя здоровья всего общества в целом.

Коррекция психики уже рожденного ребенка достигалась путем обязательной вакцинации в соответствующие периоды развития.

В итоге, через пару десятков лет экспериментов с генной инженерией, люди получили совершенно новый биологический вид человека. Отличало его отменное здоровье ровно до пятидесяти лет, спокойствие, уравновешенность, управляемость, отсутствие таких качеств характера как предприимчивость,

напористость, агрессия.

Общество абсолютно послушных, работающих людей жило теперь по строгим законам нового мирового порядка. Зарабатывая себе баллы на продолжение жизни или модификацию какого-либо органа после пятидесяти лет – как благо, доступное только избранным.

В специальные коррекционные центры попадали вольнодумцы, люди творческие и свободные. В центрах по корректировке психики их ждал вердикт – жить дальше с измененным навсегда сознанием, вырезанной частью мозга, или окончить свои дни донором органов и клеток. Любой вид творчества был недоступен новому виду человека – деятельного, биологически измененного. В этом крылась большая проблема для будущего человечества. Без творческой мысли больше не двигалась вперед наука, полагаясь теперь только на искусственный интеллект, не могло быть и речи о новых прорывных решениях в любой отрасли человеческой жизни. Получив управляемое стадо, правители получили огромную проблему несовершенства искаленной психики людей. Не имея возможности мечтать, фантазировать и творить, выдумывать что-то новое, человечество оказалось на пороге нового кризиса – кризиса нехватки первоначальной ДНК старого вида человека. Будучи абсолютно послушны и управляемы, новые люди потеряли все творческие способности, прогресс остановился из-за нехватки новой идеи, живого глотка творения.

В координационных центрах наблюдались люди с психическими отклонениями, которые, не смотря на вакцинации и генную модификацию, сохранили активность в долях правого полушария мозга. Бунтари по своей природе, будучи признанными опасными для своего окружения, они стали подопытными кроликами новой медицины, основанной на «исправлении» деятельности мозга нормального человека, донорами органов и клеток для сильных мира сего, отчаянно нуждающихся в «чистом» материале, для продолжения своей жизни.

Глава 1

–Почему ты не любишь, когда тебя зовут по имени?

– Я не понимаю своего имени. У меня есть имя, есть фамилия, есть личный код, я воспринимаю это все, как пустой набор данных, не отображающих моей настоящей личности.

– А как ты назвала-бы себя сама? – Лев Константинович задавал вопросы и параллельно сразу делал заметки в свой электронный блокнот. Экран блокнота светился голубым цветом, в котором кожа девушки, сидящей напротив, казалась совсем тонкой и прозрачной.

–Роса. Я назвала-бы себя росой.

– Странное имя. Объясни.

– Это не имя. Это явление природы. Оно приходит летом, в теплую погоду, перед каждым рассветом, ранним утром. Маленькие капельки влаги скапливаются везде, где только можно: на крышах домов, на проводах, на траве. Это святые капли земли. И с рассветом, эти капли пропадают, высушенные солнцем. Я чувствую себя как роса. Пришла в темноте ночи на короткое время, готова отдать себя всю этому миру. И так же готова уйти, раствориться в воздухе, оставив только воспоминание о свежести предрассветного чуда.

Лев Константинович заерзал на стуле. Образ, переданный сидящей перед ним девушкой, был так необычен, так точен, что записать все это в блокнот составило труда. Ученый буквально чувствовал, как напрягается его мозг, пытаюсь ухватить главную мысль этого спича. Захотелось не растерять ощущение волшебства, легко коснувшегося внезапно, введя врача в ступор воспоминаний. Почему-то слушая Ингу, хотелось вспоминать тепло солнца, ласковое поглаживание матери по голове, особое настроение, что присутствовало тогда, в далеком детстве и внезапно накатившее сейчас, в этом маленьком кабинете координационного центра.

– Что побуждает тебя так думать о себе?

– У меня в голове маленькая антенна. Я ее чувствую, прямо на макушке. Иногда она становится тяжелой, тогда я понимаю, что моя связь с миром закрыта. А иногда я испытываю в этом месте легкость, какое-то шевеление и тогда мне в голову приходят разные мысли.

– Мысль про росу пришла тебе таким же путем?

– Да. И это тоже. Много разных мыслей. И состояние, как будто я становлюсь чем-то большим, намного больше, чем свое тело и вижу разные картинки перед

глазами, образы и ощущаю себя в них, как настоящую.

– Вы понимаете сами, что это аномалия?

Лев Константинович продолжал строчить в своем блокноте.

– Я понимаю, что я такая, какая есть. И то, что Вы называете аномалией, дает мне дышать и жить немного иначе, чем живет мое окружение.

Инга сидела ровно, спокойно разглядывала кабинет.

В кабинете, помимо стола и экрана на стене практически ничего не было. Светлые стены, стеллаж на котором лежали непонятные ей приборы, пластиковые накопители и коробочки.

За окном тоже ничего не было видно и ей пришлось искать глазами облака, собирая их в образы из обрывков небесного тумана, чтоб хоть как-то развлечься. Разговор казался ей нудным и скучным. Она знала, что ее судьба predetermined ровно с того момента, когда мать стала смотреть на нее отстраненно-холодным, оценивающим взглядом. Поначалу девочка пряталась от этого взгляда, пугалась, вжимала голову в плечи. Потом, смирившись с неизбежным, просто ждала. Ждала, когда настанет тот самый день и она окажется в центре коррекции.

Совсем недавно ей исполнилось шестнадцать. Совсем юная, она чувствовала себя внутри глубокой старухой. Обязанность притворяться такой, как все дети вокруг, отнимала огромное количество энергии, приводила к нервным срывам. Тяжелая обстановка дома, постоянная слезка матери, всё только усугубляло ее состояние. Прожив всю свою жизнь с черствыми, ничем не привлекательными людьми, делающими только свою работу, проводя вечера в молчании, за гаджетами, она чувствовала такое острое одиночество, что хотелось уйти куда-нибудь от этого мира, чтобы на самом деле остаться одной навсегда. Тяжелее всего давалась школа.

Утром она должна была включить панораму и оказаться в цифровом классе. Картинки мелькали перед глазами, тесты, постоянные тесты и скудные объяснения тем. Некому было задать важные вопросы о устройстве мира, о истории родного края. Всё, что выходило за рамки программы предлагалось

искать в интернете. Но и он не отвечал на многие запросы, отделяясь типичными описаниями древнего мироустройства или короткой фразой: нет доступа.

В итоге Инга на уроках только делала вид, что учится. Чаще всего рылась в сети в поисках старых сайтов с напечатанными книгами прошлых столетий. Оттуда она черпала больше информации о настоящей жизни людей, чем из официальных школьных материалов.

Ей хотелось оказаться в мире, где люди еще ходили друг к другу в гости. Или нечаянно зачинали детей, любили друг друга, писали стихи. Никто из ее сверстников не писал стихов. Считалось, что эта литературная форма отжила, являясь рудиментом прошлого. Никто не учил, не читал стихи и уже практически не читал книг. Короткие клипы, короткие тексты, все сжато, все предельно упрощено для восприятия – это модное веяние современного времени раздражало, не питало потребность знать, разбираться, учиться новому.

В школьной системе, основанной на личных достижениях, присваивались баллы, которые отражались потом в личной карточке и карточке семьи. Количество баллов позволяло выбирать свое будущее. Множественные тесты определяли специальность будущего работника, и ребенок с четырнадцати лет обучался уже только тем дисциплинам, которые потребуются ему в будущей профессии. С детства решался вопрос о предназначении, не надо было выбирать, искать, решать свое будущее. Все решала система.

С Ингой возникли проблемы. Она не сдала тесты в четырнадцать лет. В пятнадцать еле-еле вытянула на биолога. В шестнадцать ее чип, после четвертой перезагрузки данных, опять вышел из строя. И тогда стало понятно, что девочка портит семейную статистику, лишая будущего свою мать. Мать заказала дочь в возрасте двадцати семи лет, имея хорошую статистику и высокий рейтинг репутации. Уже давно людям чтобы заиметь ребенка не надо было создавать семьи. Достаточно было подать заявку и доказать свой статус ответственного гражданина. Вот так и поступила ее мать в свое время. Выбрала пол ребенка, цвет глаз, волос, здоровье и прошла процедуру оплодотворения. Причем в настоящее время можно и не рожать самой, есть специальные био-инкубаторы, но самостоятельные роды стоили дешевле, и женщина получала бонус от союза в виде декретного отпуска не только после рождения ребенка, но и перед.

Сначала все шло хорошо. Девочка отвечала всем показателям здоровья, хорошо проходила плановые вакцинации. Потом, по мере взросления, ее поведение стало кардинально отличаться от поведения сверстников. Излишнее любопытство – она никогда не сидела спокойно в своем манеже, излишняя подвижность – все время хотела куда-то идти, излишнее желание исследовать этот мир впоследствии. А потом начались рисунки. И не такие, как в обучающих программах – круг, треугольник, дерево из нескольких палочек. А настоящие рисунки. Она могла нарисовать дерево с точной прорисовкой листиков, и дом рядом, и лужайку, совершенно выбиваясь из задачи программы.

Мать понимала, что с ребенком что-то не так. Но молчала, наблюдала, думала, что с возрастом все пройдет и Инга станет такой же покладистой и усидчивой как другие дети. Была и еще одна странность. Иногда все электрические приборы и связь, связь особенно, начинали сбоить в присутствии Инги. Выяснилось это после обязательного чипирования в возрасте двух лет. Под кожу тыльной стороны левой ладони нового гражданина вводился микро – чип. В нем была зашита вся информация о владельце. Чип открывал двери в дом и в жизнь. Все союзные услуги гражданин мог получить только предоставив свой информационный личный код. Школьный портал запускался только с помощью чипа. Продукты в магазине покупались тоже оплатой с личного или семейного счета. Чип Инги выходил из строя несколько раз. Что привлекло много вопросов к матери девушки в свое время. Ей пришлось пройти проверку благонадежности и доказывать, что она достойный гражданин союза и не выводила сама чип дочери из обращения. И вот однажды мать нашла тетрадку, исписанную вручную. Все давно уже писали в электронных планшетах и забыли, что можно писать на простом листке. Листки Инга собирала из обрывков бумажных эко пакетов, которые иногда появлялись дома из дорогого магазина натуральной пищи. В бумагу заворачивался дорогущий стейк или настоящий баклажан и бережно приносился домой для пиршества. И вот, собрав какие-то клочки, просушив их и прошив мебельным степлером Инга сделала себе свою собственную книгу. Книгу стихов.

Иду, оставляя следы...

А лучше бы розы. Цветы

Украсили странный мой путь,

С которого сложно свернуть...

Было нацарапано углем на пожелтевших страницах. В смазанных строчках, мать узнала будущее Инги. Девочку ждал коррекционный центр. Так больше не могло продолжаться...

– Я все думаю, как это могло получиться? Каким образом человечество само согласилось превратиться в управляемых биороботов? Удобство? Удобно не осознавать, не думать, не брать ответственность за свое будущее? Или насаженная новая психология? Все вроде сначала было просто. Сначала перешли на ГМО питание, белок стали добывать из жуков, земледелие превратили в химические лаборатории. Потом пропало понимание истины. Ложь средств массовой информации формировала мышление общества потребителей. Из употребления исчезли слова: честь, порядочность, совесть. Человека стали характеризовать токсичным или позитивным или лояльным. Потом научились блокировать участки мозга, отвечающие за творчество. Власть стала диктовать условия подачи творчества людям. Подавалось только удобное, непотребное, облегчающее труд думать своей головой. Стало немодно думать не как все, а потом и опасно. И вот мы докатились до времени, когда наши жизни продаются за органы, созданные в лабораториях, когда наших детей рожают искусственные матки, когда создание настоящего биоробота, без души, без человеческого сознания уже на пороге.

И мы скоро станем совсем не нужны. Просто физические тела, которые можно уничтожить в один день и никто, никто не проснется от этого кошмара.

– Я пытаюсь понять, что Вам не нравится в нашем обществе. Что приводит к такому образу мыслей. – Лев Константинович опять строчил в своем блокноте, бросая короткие взгляды на мужчину перед ним. – У Вас все есть, все ваши базовые потребности удовлетворены. Вы могли бы стать полноценным членом своего союза, приносить пользу людям, ходить на работу, выполнять свои обязанности. Откуда такое недовольство системой?

– У меня отняли выбор. Выбор прожить полноценную жизнь так, как я сам этого захочу.

– Но, может быть, Вас просто уберегли от ошибок?

– Нет. У меня забрали мои возможности. Возможность ошибаться, одна из них. Существующая система отобрала мою свободу. Вся моя свобода ограничена

личным кодом, полученным при рождении и вписанным в чип на моей левой руке. Если я захочу рисовать картины, то умру от голода, если я буду писать стихи, то я тоже не смогу прокормить себя. Если я вырежу чип, то останусь один в этом холодном пластиковом мире и также умру. Мне не оставили выбора. Вот, что сделала Ваша система – она заставила меня с рождения стать ее рабом.

Лев Константинович уже почти не слушал этот бред. Увлёкся анализами пациента. Такая же странность, как и с Ингой, мутации нет. ДНК этих двоих максимально приближена к ДНК первых образцов. Ещё более странно, что при рождении у обоих присутствовали мутации. Или те, старые анализы были неверны? Или случилось чудо и организм стал сам исправлять со временем искажения? Второе чудо за неделю. Редкость, за которую врач рассчитывал получить от руководства большой бонус в виде тех самых баллов, что продлят ему жизнь... Пациенты его центра делились на две категории, важные для проведения экспериментов, нужные науке, очень нужные, как доноры клеток и органов и обыкновенные чудачки, организм которых отвергал вакцины и тогда простейшие манипуляции на мозге позволяли вернуть их в общество. Пациенты из первой категории попадались редко. Каждый проходил по секретному коду и наверх руководству докладывался список органов, которые можно изъять и список экспериментов, которые можно провести. Алексей, попавший в центр сразу после Инги, вот удача, так удача, был, как и девушка пациентом первой категории. Когда он говорил о биороботах, он не знал, что искусственно созданные люди уже давно среди людей старого порядка. Гомо-сапиенс заменили человеком нового поколения – человеком -действия. Их растили в таких же центрах, потом небольшими партиями выпускали работать на заводах, закрытых предприятиях, замещая простых людей и тем самым скрывая от остального человечества настоящие цифры смертности. Программа сокращения населения работала успешно, со временем «лишнее» и «ненужное» в экономическом плане невыгодное к содержанию население должны были полноценно заменить биороботы, оставив живыми только элиты и необходимый круг людей, обладающий ещё способностью думать и самостоятельно принимать решения в рамках своего функционала. С биороботами обнаружилась проблема. Отсутствие души порождало чудовищное сознание этих организмов, точнее отсутствие нормального сознания. Поэтому их старались держать в закрытых системах, задействовать на закрытых производствах. Первые генетики нового мирового порядка сослужили человечеству плохую службу. Научившись править, вырезать, участки ДНК, они не научились ничего создавать, то есть правили уже созданное до них. Кто это был? Творец? Сейчас уже не важно, так как его великое творение подвергли правкам, отсекая то, что сами в свое время вносили неправильным образом жизни, ухудшением экологии и сменой пищи на

модифицированную. В итоге система человеческого организма, задуманная и созданная как уникальный гармоничный механизм столкнулась с первыми изменениями, мутациями, приводящими к возникновению болезней, бесплодию и медленно убивающей все человечество в целом. Все, что смогли придумать люди – это создание подобия человека, основанное на знании только физического процесса. Ничего нового человек не создал, творцом так и не стал. Биороботы являлись лишь слабым подобием, так как не имели личности и индивидуальности, хотя системой это и не требовалось, более того, не поощрялось, остро встал вопрос продления жизни еще живущих людей, их размножения и развития в целом. Опять же, создание биоробота было еще слишком дорого, чтобы полностью заменить ими рабочий класс. И биологически выращенные органы не годились для пересадки людям высших руководящих должностей, слишком быстро изнашивались. Органы же людей обыкновенных требовались руководству для продолжения своей жизни. «Чистые» органы ценились высоко и стоили дорого. Впереди врача ждала большая работа и составляя отчеты своему руководству, он придумал провести и психологический эксперимент, посадить этих двоих в отдельный бокс и посмотреть, как будет происходить общение двоих «чистых» людей. Также очень интересовали подъемы и спады энергии, что фиксировали датчики при первом знакомстве Льва Константиновича с пациентами. Что, если тут можно будет найти что-то интересное? Замерив уровень активности мозга «чистого» человека, можно было совершить прорыв в науке, сравнив данные средне статического гражданина союза, человека из «прошлого» и биоробота нового поколения.

Алексей был доставлен в центр сотрудниками службы порядка. Он несколько дней не ходил на работу, а перед этим на него были составлены жалобы от сослуживцев на непотребное поведение на своем рабочем месте. Выкрикивал лозунги, призывал окружающих обратить внимание на окружающую их действительность, поднимал бунт, смущая своих коллег. В свои двадцать восемь лет, он имел низкий репутационный рейтинг, минимальное количество баллов, для выживания в условиях их союза. В общем – совершенно аморальный тип. Лев Константинович был вынужден задержаться на работе и записать все данные в свой блокнот. Отправить отчет руководству и уже завтра терпеливо ждать ответа. Если получится поселить эту парочку вместе, то можно потянуть время, проделать больше анализов, операций, и получить больше баллов, поэтому стареющий врач так и старался записать всё, предвкушая интересные открытия, что ждали его впереди.

Крылья бабочки. Когда становилось совсем плохо Инга закрывала глаза и перемещалась в самый счастливый день своей жизни. Они с матерью прошлым

летом были на море. В один из дней мать заболела и не смогла сопровождать девушку к бассейну. Тогда Инга самовольно покинула территорию отеля, что было строжайше запрещено правилами, и пешком одна отправилась в сторону шумящего моря. В море плавать уже давно было запрещено, но она нарушила запрет. Оказавшись на пляже из мелкой гальки, разделась и прыгнула в набегающие волны навстречу чувству полной свободы. Уже потом, наигравшись с волнами, она нежилась на берегу, подставляя свое соленое тело солнечному свету и играя с камешками. И тут на ладонь Инги села настоящая бабочка. Как говорилось в школьной программе, бабочки исчезли из природы уже давно и встретить их можно было только в специальных оранжереях. Но тут, шевеля маленькими голубыми крылышками, это чудо природы само прилетело откуда-то с неба и село на ладонь. Медленно, стараясь не испугнуть, Инга крутила рукой перед глазами разглядывая хрупкую волшебную красоту. Пришли мысли, что эта бабочка также похожа на нее, совершенно одинокую в этом мире и свободную сейчас, как дыхание ветра. И теперь, когда становилось плохо, девушка всегда возвращалась мыслями в тот миг, на морское побережье к шуму ветра и волн, к оголтелым крикам чаек и к чуду, внезапно случившемуся с ней. Она чувствовала соль на своих губах, порывы ветра развеивали ее русые волосы, чувствовала, как горели щеки, нагретые жарким солнцем и как ее посетило настоящее благоговение перед совершенным миром земной природы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/pankevich_oleg/bez-lica

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)